

Раздел 4. Отечественная литература второй половины XX – начала XXI века: творческие стратегии и рецептивные проекции

Ю. С. Тарагара

(научн. руководитель **О. Ю. Багдасарян**)

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Рецепция творчества Ф. Искандера: детям от взрослого писателя (на примере рассказа «Чик на охоте»)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности авторской адресации в цикле Ф. Искандера «Детство Чика» на примере рассказа «Чик на охоте». Анализ различных уровней текста позволяет говорить о двойной адресации в рассказе. Автор статьи приходит к выводу о том, что благодаря «двойному взгляду» на мир, особенностям сюжетной организации и юмора Искандеру удается осуществить адресацию текста реципиенту любого возраста.

Ключевые слова: Ф. Искандер, адресация, эстетический опыт, горизонт ожидания, читатель.

Литературное произведение в рецептивной теории рассматривается «в процессе “встречи”, контакта текста с читателем» [Цурганова 1999: 118]. Восприятие художественного произведения, его воздействие на адресата связано с литературными ожиданиями читателя, то есть с предвосхищением понимания жанра, формы, тематики произведения в историко-литературном контексте. «Горизонт ожидания» [Цурганова 1999: 118] определяется «эстетическим опытом» [Цурганова 1999: 118], который формируется в процессе диалога читателя с автором.

Изучение отношений «автор-читатель» в литературном произведении предполагает обращение к понятию адресата или адресации. Именно адресованность является «существенным (конstitutивным) признаком высказывания» [Бахтин 1986: 113]. Обращенность автора к адресату определяет особенность художественного высказывания, адресация помогает автору поддерживать диалог с читателем, результатом которого является *понимание* художественного текста. Адресация в литературе становится средством, актуализирующим авторско-читательский диалог.

Различные элементы поэтики художественных произведений «направлены на выявление адресатов, “зашифрованных” в тексте» [Казакова 2016: 51], с этим связано понятие многоадресности, сложившееся в 30-е–50-е годы XX века. Основным принципом авторского диалога с читателем становится двойная адресация – тип адресации, что связан с «возрастной направленностью авторских установок» [Казакова 2016: 51]. Здесь берет начало проблема разграничения детской и взрослой литературы.

Примером такого авторско-читательского взаимодействия является цикл рассказов Ф. Искандера «Детство Чика», главными героями которого являются дети, что дает основание причислить цикл Искандера к детской литературе, однако исследователи определяют рассказы «Детства Чика» как «произведения о детях» [Цюлия 2014: 7]. На наш взгляд, тексты Искандера подходят для прочтения читателями разных возрастов: «Детство Чика» отличает то, что авторская установка предполагает не только читателя-ребенка, но и реципиента-взрослого.

Отношения читателя и рассказчика выстроены неоднозначно. С первых страниц «Детства Чика» разрушается *горизонт ожидания читателя*: перед ним открывается не автобиографическая повесть или роман воспитания, рассказы явно не соответствуют привычным читателю жанровым представлениям: например, отсутствует датировка событий, придающая тексту элемент документальности. Сравнивая «Детство Чика» с «Детством» Толстого, Аксакова, Горького, отмечаем присущее рассказам Искандера безличное повествование, не свойственное текстам его предшественников. При этом «Детство Чика» не лишено автобиографического начала: героев своих произведений автор помещает в Абхазию, где прошло и его детство. Более того, сюжеты рассказов цикла строятся на сюжетах, которые Искандер представляет в «Рассказах разных лет». Они, безусловно, являются автобиографическими и повторяют некоторые события из жизни Чика: так, например, соотносится автобиографический рассказ Искандера «Мученики сцены» и «Чик и Пушкин» из «Детства Чика»; сюжетные переклички обнаруживаются и в других рассказах, например, в «Рассказе о море» и в произведении «Чаепитие и любовь к морю», в рассказах «Лошадь дядя Кязыма» и «Чик чтит обычаи».

Автобиографичность цикла, конечно, отмечается взрослым читателем с богатым культурным багажом, в то время как построение цикла в традициях приключенческой детской литературы (подтверждаемое многособытийностью рассказов) ориентировано на детскую аудиторию. Динамичные сюжеты, авантурные ситуации (например, поход героев за мастикой или на море) находят отклик в душе реципиента-ребенка. Наполнение рассказов философским смыслом, который раскрывается через рефлексию главного героя и состояние балансирования персонажа, отмечается взрослым читателем.

Рассмотрим на примере рассказа «Чик на охоте», как сюжетная организация текста выполняет двойную функцию. Цепь событий, включающая в себя охоту, сбор ежевики, встречу с охотниками, интересна и познавательна для ребенка-читателя: детям открывается неповторимый мир природы, его тайны, происходит «разгадывание» мира, его узнавание. Для взрослого читателя рассказ предстает в другом ключе: его внимание более сконцентрировано на сюжете взросления. Здесь оказывается значимым финал рассказа, в котором проступает как сознание автора, так и самого героя с учетом знания прожитых лет: «Голубь улетел, а Чик еще не знал, что ему в награду остается длинный, сказочный охотничий день» [Искандер 2016: 488]. Моменты детства, рефлексия самого героя позволяют взрослому читателю обратиться к своему детству, переосмыслить его.

Юмор является характерной чертой прозы Искандера (рассказ «Чик на охоте» не исключение). Смех в рассказе по-разному «работает» в детской и взрослой аудиториях и выполняет двойную функцию. Примечателен эпизод сбора мальчика на охоту: «Он достал из-за буфета свой лук и три стрелы с жестяными наконечниками, заточенными напильником. Чик проверил на пальце наконечники, словно за ночь их могли притупить мыши. Нет, наконечники в порядке. Он надел на плечо лук тетивой вперед, как ружейный ремень. Заткнул за пояс стрелы. Наконечниками вверх, чтобы не царапали ноги. Потом стал шевелить животом, прислушиваясь, где и как наконечники упрутся в живот. Приладил так, чтобы не упирались. Теперь он себя чувствовал не хуже, чем те *воины*, что изображены в учебнике древней истории» [Искандер 2016: 442]. В данном фрагменте приемом создания образа ребенка становится ирония. Так подчеркивается непосредственность поведения Чика. Использование иронии в данном эпизоде ориентировано на взрослого читателя. Автором представлен взгляд на ребенка со стороны: безусловно, такое поведение ребенка вызывает улыбку у любого взрослого. Стоит отметить, что ребенком данный эпизод тоже может быть отмечен как пронизанный иронией. Многое зависит от возраста: столь подробное описание может быть воспринято и буквально.

Иронизирует Искандер в рассказе как над детьми, так и над взрослыми. Например, над Сонькиной мамой: «А ты, эфиопка, думаешь, охотничьи собаки в перчатках приносят перепелок!» [Искандер 2016: 443] (слова тетушки Чика не остаются без внимания мальчика, подвергаются детской оценке). Однако ребенком-читателем эти слова могут быть осмыслены не в полной мере, что обусловлено недостаточным эстетическим опытом (*эфиопка* еще не воспринимается детьми как ругательное слово, не происходит подключения внетекстовых связей).

Особого внимания заслуживает следующий эпизод, данный глазами ребенка: Чик просит у своей подруги Соньки перепелку, чтобы научить собаку Белку на них охотиться. Сонька дает ему перепелку без разрешения мамы. Реакция мамы («Чик! Ваша Белка мне всю перепелку исclusionявила! Зачем мне такая перепелка!» [Искандер 2016: 443]) и становится причиной смеха и для героев, и для читателя. Здесь юмор имеет общую адресацию: стираются границы между взрослой и детской аудиториями.

В «Рассказах о Чике» повествование ведется от третьего лица, автор как бы занимает позицию постороннего наблюдателя. Безличное повествование осложняется сменой субъектов сознания: перед читателем предстает то сознание ребенка, то взрослого. Для этого автор включает в речевую «зону» повествователя речевые «зоны» персонажей с помощью форм косвенной или несобственно-прямой речи. Центральное место в субъектной организации отведено миру ребенка.

Психологически достоверно в рассказе «Чик на охоте» представлено сознание ребенка: «Вообще Чик задумывался над многими вопросами <...> Чик знал, что подсолнух всегда следит за солнцем своей золотистой шапкой – и это хорошо. Но вот что делает подсолнух, когда начинается солнечное затмение? Опускает головку, думая, что солнце уже закатилось, или ждет, когда затмение кончится? Если ждет, откуда он знает, что это затмение, и оно скоро кончится? Это же страшно интересно!» [Искандер 2016: 445]. Детский взгляд позволяет сосредоточиться на деталях мира, которые для взрослых уже не являются «событиями», а для детей становятся поводом для размышления. Ребенку удастся соприкоснуться еще с неизведанным им до конца миром природы: он замечает, что подсолнухи «дружно поворачивают свои золотые шапки в сторону солнца» [Искандер 2016: 445], многое мы узнаем и о затмении, о том, что ил, оказывается, может «всосать его [человека] в свои

недра» [Искандер 2016: 458]). Отношения текста со взрослым читателем в таком эпизоде строятся сложнее: для взрослого явления природы не становятся открытием (как для ребенка), однако присутствующий в тексте детский взгляд на мир все же «освежает» восприятие, позволяет новым взглядом посмотреть на вполне привычные вещи.

Включение в текст сознания ребенка помогает точно передать его ощущения: «Вообще Чик ел все, кроме помидоров. Помидоры не лезли. Какая-то противная слизь. Но Чик не терял надежды с годами преодолеть свою неприязнь к помидорам. Иногда, когда его никто не видел, Чик тренировался, чтобы привыкать к помидорам. Успехи были, но небольшие» [Искандер 2016: 448]. В сознании ребенка отводится место его внутренним проблемам. Взаимоотношения со взрослыми – то, что осмысливается Чиком. Например, «Но ни один из взрослых не мог ему ответить на этот вопрос. Некоторые добродушно смеялись, когда Чик задавал им этот вопрос, а некоторые как-то тоскливо замыкались, думая, что Чик хочет поймать их в какую-то ловушку. И какая тут может быть ловушка, и чего они все время боятся какой-то ловушки?! Глупо!» [Искандер 2016: 446]. Подчеркивается непонимание между детьми и взрослыми. Разобщенность Чика с миром взрослых показана и в другом фрагменте: мальчик решает не предупреждать маму и тетю о том, что идет на охоту, «боясь, что его не пустят» [Искандер 2016: 442].

Несмотря на то что в субъектной организации рассказа доминирующая роль отведена сознанию ребенка, «Чик на охоте» пронизан голосом взрослого. Сознание ребенка перемежается с сознанием взрослого за счет несобственно-прямой речи. Например, это прослеживается в размышлениях мальчика о том, что собака, стоящая на задних лапах, похожа на «униженного человека»: «Возвышаясь до двуногого существа, она каким-то образом становилась жалкой и униженной. Может быть, эти передние лапки, опущенные как тряпочки, может, неустойчивость всей ее позы вызывала в Чике ощущение униженности?» [Искандер 2016: 470].

Искандер строит свое повествование так, что эстетический опыт позволяет взрослому читателю занять позицию созерцателя; ему удастся стать сторонним наблюдателем – опосредованно принять участие в «игре». Специфика такого типа созерцателя состоит в том, что взрослый читатель может посмотреть на себя со стороны (показателен в этом плане вышеупомянутый эпизод, где Чик словно хочет поймать взрослых в ловушку). Здесь можно говорить об «остраняющем» [Шкловский 1925] взгляде ребенка на взрослого, который позволяет через наблюдение за мыслями, ощущениями, поступками ребенка понять его психологию и в то же время, вспомнить свое детство (эта задача, на наш взгляд, становится у Искандера первостепенной).

Эстетический опыт ребенка по-другому определяет восприятие текста: его роль как имплицитного читателя сводится к самоосуществлению собственного «я» в ходе «проигрывания ролей» [Цурганова 1999: 120]. Процесс чтения – это всегда приобретение нового эстетического опыта, именно поэтому читателю вне зависимости от возраста открываются новые горизонты и возможности.

Таким образом, сюжетная организация рассказа «Чик на охоте», юмор, представленный в тексте, «двойной взгляд» на мир за счет включения в текст разных субъектов сознания (взрослого и ребенка) позволяет Искандеру осуществить адресацию произведения реципиенту любого возраста.

Подводя итоги, можем утверждать, что «Детство Чика» – книга для всех возрастов. Особенности цикла позволяют относить книгу как к детской литературе, так и взрослой: взрослый читатель может приоткрыть занавес прошлого, юный – двери будущего. Думается, что знакомство с «Детством Чика» может максимально эффективно осуществиться в подростковом возрасте, поскольку в это время ребенок психологически оказывается близким главному герою «Детства Чика» в разрешении внутренних противоречий, находится в пограничном состоянии, балансирует между миром детей и взрослых.

Литература

- Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
- Искандер. Ф. Кролики и удавы. Созвездие Козлотура. Детство Чика: Притча. Повесть. – М. : Э, 2016. 640с.
- Цурганова Е. А. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. // Энциклопедический справочник. – М. : Интрада, 1999. 319 с.
- Казакова Е. Текст двойной адресации (на материале детских рассказов А. Платонова) // Славянская литература: учебное пособие. – 2016. – Минск. : БДУ. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/153011> (дата обращения 10.04. 2020).
- Цолия К. Р. Национальная специфика и ее художественное воплощение в творчестве Фазиля Искандера: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2014. 176 с.

Шкловский В. Искусство как прием // О теории прозы. – 1925. – М. : Круг. – URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения 20.05.2020).

Taragara J. S. Reception of F. Iskander's Creativity: to Children from an Adult Writer (on the example of a story «Chick On the Hunt»)

In this article the features of the author's addressing in the F. Iskander's narratives «Chick's Childhood» (on the example of the story «Chick On the Hunt») are considered. Analysis of various levels of text allows us to speak about double addressing in the story. The author of the article comes to the conclusion that due to the «double view» of the world, the peculiarities of the plot organization and humor, Iskander manages to address the text to the recipient of any age.

Keywords: F. Iskander's «Chick's childhood», addressing, aesthetic experience, horizon of expectation, a reader.

И. А. Баландина

(научн. руководитель Т. А. Снизирева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Формулы самоидентификации И. Бродского vs филологические реценции

Аннотация: статья посвящена анализу формул самоидентификации И. Бродского и их филологическим реценциям. На материале прозы, интервью с поэтом, а также мемуаров о Бродском и его литературных биографий проанализированы личностная самооценка и восприятие Бродского современниками, а также творческое поведение поэта и его оценка современниками. На основе проведенного исследования выявлены ключевые формулы самоидентификации И. Бродского и особенности мифа о его личности, творчестве и творческом поведении.

Ключевые слова: И. Бродский, формулы самоидентификации, мемуары, биография, творческое поведение, интервью.

Иосиф Бродский по праву считается последним классическим поэтом русской литературы, его личность и творчество представляет для исследователей особый интерес: его приватная переписка по завещанию закрыты для исследователей, и источником сведений становятся биографии, интервью с поэтом и о поэте и воспоминания о нем. При этом, высказывания Бродского о себе часто противоположны впечатлениям его современников. Формулы самоидентификации, создающие «миф поэта», и рецензии его образа, составляющие «миф о поэте», требуют подробного рассмотрения и сопоставления для понимания феномена «автомифа» Бродского.

«Я всегда старался, возможно самонадеянно, определить себя жестче, чем то допускают понятия «национальность» и «раса». Говоря иначе, из меня плохой еврей. Надеюсь, что и плохой русский. Вряд ли я хороший американец. Самое большее, что я могу о себе сказать: я есть я, я – писатель» [Бродский 2000: 164] – вот ключевое высказывание, характеризующее поэта. Национальность, вероисповедание, биография – все это слишком однопланово, чтобы адекватно понять творца.

Характерно различие восприятия личности поэта и его творческого наследия в разных воспоминаниях. Так, В. Соловьев, знакомый с Бродским, монографию Л. Лосева «Опыт литературной биографии» в самом начале своей книги откровенно называет апологетичной, и, фактически, мифотворческой. Соловьев обвиняет Лосева в необъективности и сакрализации образа поэта: «Любое слово Бродского принимается на веру <...> Зато любая критика Бродского отмечается сходу, а критики подвергаются личной дискредитации и шельмованию» [Соловьев 2015: URL]. Несмотря на общую резкость тона, Соловьев правильно указывает особенность моделирования Бродским своего облика: поэт стремился показать себя таким, каким хотел выглядеть, благодаря чему появляются многочисленные недомолвки, иронические замечания о собственной биографии и откровенное лукавство, которое можно заметить при сличении его высказываний на одну тему в разных интервью и воспоминаниях. Именно стремление поэта создать определенный образ для окружающих и разность восприятия его личности биографами и создает конфликт «мифа Бродского» и «мифа о Бродском» и стимулирует интерес к формулам его самоидентификации. Ими становятся высказывания автора, реализующие его самоопределение. «Я – плохой еврей» – явный пример подобного явления.

Лев Лосев так говорил о понимании жизни поэта, впоследствии сам написавший литературную биографию Бродского: «... мы часто принимаем за биографию Бродского тот миф, который он сам